

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Психологическое измерение

ПОНИМАНИЕ КАК ФИЛОСОФСКАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Чего не понимаешь, то брани:
это общее правило посредственности.
В.Г. Белинский

Если бы всякий дурак непременно желал понимать все,
что он говорит, то многим дуракам пришлось бы
обречь себя на вечное безмолвие.
Д.И. Писарев

А.И. ДЗЮРА

О понимании как философской и психологической проблеме неоднократно говорил немецкий психолог и философ Э. Шпрангер: именно он предложил ввести в категориальный строй когнитивных наук новое понятие «*Verstehende Psychologie*» («понимающая психология») – термин, получивший впоследствии свой научно-теоретический статус и широкое признание среди представителей гуманитарных областей знания. С легкой руки Э. Шпрангера под «понимающей психологией» сегодня подразумевается фактически целое научное направление в «метафилософии». Истины ради отметим, что «понимающая психология» моложе «понимающей социологии», за которой, кроме давшего ей жизнь Макса Вебера, стоят такие мало схожие между собой мыслители, как Г. Зиммель, А. Фиркандт, Питирим Сорокин, Т. Парсонс, Ф. Знанецкий, У. Томас, А. Шюц и др.

М. Вебер по-своему «модернизировал» и усовершенствовал заимствованный из герменевтики термин «понимание», сделав его методом не только интерпретации смысла и структуры авторских текстов, но – шире – методом раскрытия внутренней сущности как целостного культурософского социального бытия, так и всей человеческой истории. Что касается «понимающей психологии», то за считанные десятилетия первой трети XX века она развилась настолько, что ее идеи стали оказывать заметное влияние и на фило-

софию экзистенциализма (особенно К. Ясперса, М. Хайдеггера, Х. Ортеги-и-Гассета) и на веберовскую *понимающую социологию*.

Ф. Шлейермахер настаивал на важности «понимания “Другого”». Х. Гадамер подчеркивал значение «предпонимания» как условия «беспредпосылочного мышления и миропонимания». Итальянский историк Э. Бэтти, проследившая истоки методологии понимания начиная с В. Дильтея, в своей двухтомной «*Teoria generale della interpretazione*» («Общая теория понимания») выстраивает концепцию психолого-метафизического понимания как «перемещения в чужую субъективность». В. Дильтей, представитель «философии жизни», школы «истории духа» и главный разработчик, основоположник «понимающей психологии», теоретически обосновал два вида понимания. Во-первых, это достигаемое с помощью интроспекции понимание собственного внутреннего мира субъекта познания, во-вторых, понимание чужого мира (а следовательно и всей культурно-исторической реальности) путем «соучастия», «сопереживания», «эмпатии», «вчувствования». (Уточним, что категорию «вчувствование» впервые ввел в научный оборот Ф.Т. Фишер (1887); позднее это понятие стало основным принципом эстетики Т. Липса, который в свою очередь умножает полисемию термина и на его основе вводит категорию «объективированного самочувствия», более употребимую эстетиками и литературоведами.)

Теоретиков «понимающей психологии» «чистые» философы порой снисходительно называли «философствующими психологами», а представителей «понимающей социологии», соответственно, «философствующими социологами». В глазах социологов «философствующие психологи» иногда становились неким образцом для подражания. За несколько плодотворных десятилетий «понимающая психология» не только удачно вписалась в традиционную эпистемологию как метафизику научного познания, не только хорошо прижилась в науке, но и дала повод для некритических заимствований. Учитывая, что психология уходит своими теоретическими истоками и историческими корнями в античную натурфилософию, в аристотелевскую «науку о душе», философы-теоретики, историки философии в общем терпимо, а иногда и благосклонно принимали идеи «понимающей психологии», зато с некоторым охлаждением, а то и с недоверием стали затем относиться к «понимающей социологии». Последняя, мол, должна умерить свои амбиции, ибо «чистые социологи» пока не доросли до философского «понимания проблемы понимания». При этом философы, в частности, представители получившей широкое развитие «философии науки», не без основания стали аргументировать свое критическое отношение к «чистым социологам», не всегда корректно ссылаясь на то, что-де

социологи, в отличие от философов, так же далеки от подлинной философии понимания, как был далек от этого «революционер-преобразователь» науки о социуме Огюст Конт, безуспешно пытавшийся превратить социологию в «социальную физику» и упорно стремившийся подтянуть якобы «ненаучную социологию» до уровня точных наук, т.е. сделать ее «научно-метафизической в духе философии позитивизма»¹.

По мнению А.Л. Доброхотова, если признать, что шпрангеровско-дильтеевское понимание — скорее искусство, чем наука, то образцы *искусства понимания* следует искать в биографически-герменевтических сочинениях Дильтея, в жизнеописаниях Шлейермахера и молодого Гегеля. Несомненно, что переориентация философов и возросший интерес к трактовке понимания в духе дильтеевских «объективаций жизни» и в стиле «аналитического вдумывания в вечные ритмы времени» делает основателя «понимающей психологии» в наше время не столь уж старомодным и позволяет с некоторой вероятностью прогнозировать, что «завтра скорее будут читать не Фейербаха и Штирнера, а Канта и Гегеля; не Маркса и Ницше, а Зиммеля и Кассирера, не Шпенглера и Хайдеггера, а Дильтея и Гуссерля...»².

В течение XX века заметно укрепились связи «понимающей психологии» и с «исторической» и с «философской» герменевтикой. Поль Рикёр, почетный доктор более тридцати университетов мира, подчеркивал, что истинное «понимание неразрывно связано с самопониманием»³. На взгляд И.С. Вдовиной, П. Рикёр, в отличие от Ф. Шлейермахера и В. Дильтея, «трактовавших герменевтику в духе психологизма, смыкающегося с традиционной эпистемологией... переносит вопрос о ней в онтологическую плоскость», в результате герменевтика — это уже «не только метод познания бытия, но прежде всего — способ бытия»⁴. Идея П. Рикёра снискала себе сторонников, однако, как это часто бывает в науке, у этой идеи были не только свои апологеты, но и свои оппоненты. Некоторые из них, по-разному решая проблему понимания путем «вживания» в авторский текст («методом *Einfühlung*»), склонны к трактовке понимания в русле дильтеевской «понимающей психологии», другие тяготеют к интерпретации понимания в духе «философии жизни» от ее истоков до А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Г. Зиммеля, О. Шпенглера. Третьи соблазняются специфической модификацией проблемы понимания в духе философии экзистенциализма, увлекаясь эстетизацией и «поэтизацией» этой проблемы М. Хайдеггером. Четвертых пленяет психологизм «понимающей герменевтики» Г. Гадамера⁵ — того самого, который дерзнул связать воедино «речь», «логос», «герменевтику» и «диалектику», того «оппозиционера» классического

и постклассического рационализма, который, «придерживаясь» Гегеля, опираясь на его диалектические идеи, стремился преодолеть классика немецкой философии и, по выражению Т.Г. Лешкевич, «сделать шаг дальше *гегелевского понимания*»⁶.

Историки философии подтверждают: гносеологические и аксиологические ключи от антисциентизированной, зато поэтизированной герменевтики (речь идет не только о философской, но и о теософской, религиозной герменевтике) необходимы, чтобы «декодировать», прояснить, сделать доступными трудно понимаемые сочинения и тексты (иногда мистические) теоретиков-эзотериков, теологов, теософов⁷. Так, нужда в истолкователях-герменевтиках возникает, когда приходится разяснять глубинный смысл слов Пьера Абеляра, противопоставившего тезису Ансельма Кентерберийского «верую, чтобы понимать» свой тезис «понимаю, чтобы верить». Проблема соотношения веры и убеждения, их дискретности, либо синкретичности, континуальности — основная тема теософско-философского литературного наследия эпохи Средневековья.

Как оказалось, по существу вся схоластическая философия и теософия может быть мало-мальски удовлетворительно усвоена не посредством только «университетского» ее познания, но путем «веропознания», «веропонимания», «вероубеждения», «верознания» (В.В. Соколов). Таким образом, постижение ее осуществляется не только сознательно, но и «сверхсознательно», не только разумом, но и чувством, не только головой, но и сердцем, не столько холодным рассудком, сколько «экстазом», пламенной страстью, а, следовательно, здесь не обойтись без использования достижений герменевтики. Религиозная и философская герменевтическая методология восстанавливает из мертвых, приближая их к читателям XXI века, ретроспективно прочитанные сочинения «*славнейшего ангелического доктора*» Фомы Аквинского, «*просветленного доктора*» Раймунда Луллия, «*непобедимого доктора*» Уильяма Оккама, «*христианнейшего доктора*» Иоанна Герсона, «*торжественного доктора*» Генриха Гентского, «*тонкого доктора*» Иоанна Дунса Скота, «*неопровержимого доктора*» Александра Гэльского, «*всеобъемлющего (универсального)*» доктора Альберта Великого, «*экстатического доктора*» Дионисия Картезианца, крупнейшего представителя поздней схоластики, продолжившего традиции августинианства, главы ордена францисканцев «*серафимоподобного доктора*» Иоанна Фиданца (Бонавертуры), философа-эмпирика, представителя материалистического сенсуализма Нового времени «*чудесного доктора*» Фрэнсиса Бэкона и др.

Мыслители всех времен, начиная с Античности (Гераклит Эфесский, Протагор, Демокрит, Сократ, Платон, Аристотель, со-

кратические школы, скептики, стоики, платоновские «академики», аристотелевские «перипатетики»), решая гносеологические, эпистемологические, аксиологические проблемы, пришли к принципиальному выводу о необходимости дифференцировать *знание* и *понимание*, смешивать которые неправомерно, непедagogично и ненаучно. Не случайно, сравнивая две физические картины мира (в современной философии и в античной натурфилософии) и отмечая специфику неклассической науки, столкнувшейся с квази-явлениями, знаменитый физик Поль Ланжевен пришел к выводу, что «понимание ценнее знания» (фраза, которая была бы еще более уместна в устах философа-эпистемолога или психолога). Весьма специфическим *родом познания* считал понимание Бенедикт Спиноза: «Понимание, — комментирует В.В. Соколов, — выступает у Спинозы как второй род познания, состоящий из рассудка (*ratio*) и разума (*intellctus*), но часто эти понятия сливаются в последнем слове»⁸. На взгляд многих историков философии, Цицерон проявил *непонимание* глубокого различия между мировоззрениями Платона и Аристотеля, написав, что в античной Греции была создана единая стройная философия под двумя названиями: академическая и перипатетическая, которые, «совпадая по сути, различались именами», что далеко не так на самом деле. Последователь Демокрита Тит Лукреций Кар считал философию менее понятной в силу «неясности логики», а поэзию более понятной в силу «ясности стиха». «Излагая туманный предмет ясным стихом», — так отвечал Лукреций на вопрос, почему философский труд «О природе вещей» создан в жанре поэмы. Он знал, что «сладостный мед поэзии» поможет привлечь читателя к его учению, «нелегкому для понимания». Логика философской герменевтики, очевидно, идет дальше логики размышлений Лукреция Кара. Более того: она также проникает дальше логики всей «исторической герменевтики»: «В отличие от предшествующей герменевтической традиции, — считает В.С. Малахов, — философская герменевтика не сводится к разработке методологии понимания текстов... а представляет собой своего рода *философию понимания*»⁹ (курсив мой. — А.Д.).

Современным студентам никак не удастся постигнуть смысл сократовского «Я знаю то, что ничего не знаю...», ибо они обрывают изречение именно в том месте, где скрыт глубинный подтекст: «другие и этого не знают». Совсем в духе Сократа Филон Александрийский сопоставил «понимающую душу» с «душой знающей» и, на первый взгляд, усилил кажущийся сократовский «алогизм», а на самом деле — углубил его диалектику, заявив категорически: «Только та душа знающая, которая знает, что она ничего не знает». Николай Кузанский пошел дальше Филона Александрийского, сообщив фор-

муле «ничего не знает» новый смысл — «умудренное неведение» или «ученое незнание». Искру понимания того, что такое «умудренное неведение», Николай Кузанский высек, сравнив знание о яркости солнца у зрячего и слепца и изложив это в сочинении «*Apologia Dostae ingorantia*» («Апология ученого незнания»). Современники Кузанца иронизировали, утверждая, что его «Апология» «выше здравого мысленного понимания». Ссылаясь на трилогию «*Idiota*» («Простец»), они смеялись, говоря, что, «сверхученого незнания» не понять не только простецам-идиотам, но едва ли не каждому ученому теософу. Они шутили, что только один человек его понял — настоятель Тегернезейского аббатства св. Кирина Бернард Вагич: он-то и рекомендовал всем читать Кузанца, этого «всезнающего и всепонимающего мужа» в изданной им книге «Похвальное слово знающему незнанию»¹⁰ (историки философии, исследовавшие «Апологию...», потом дискутировали на тему соотношения «знающего непонимания» и «понимающего незнания»).

Теоретики-методологи философской герменевтики пришли к выводу: экстенсивность познания, широкий диапазон, объем знаний, увы, еще не обеспечивают осмысления проблемы понимания как внутреннего проникновения в сущность предмета познания. Это обосновывали, это иллюстрировали Ф.Т. Фишер, Вернон Ли, В. Ворингер, причем, как правило, на примерах понимания произведений искусства. В статье «Что такое искусство?» об этом говорит и Л.Н. Толстой. В его же статье «О Шекспире и драме» мы встречаемся с удивительным непониманием и неприятием классика Шекспира классиком Толстым, в чем последний признается с поразительной откровенностью: многие добрые советчики-де «не только соболезнавали о моем непонимании», но и внушали мысль «признать его (Шекспира. — А.Д.) величие». Но Толстой не внял советам, был тверд и упрямо закончил статью следующими словами: «...чем скорее люди освободятся от ложного восхваления Шекспира, тем это будет лучше... люди, освободившись от гипноза, поймут, что ничтожные и безнравственные произведения Шекспира и его подражателей никак не могут быть учителями жизни...»¹¹. Парадоксально, но факт: хотя Толстой «глубоко не понимал» литератора Шекспира, зато он *глубоко понимал* философа Ж.-Ж. Руссо, сознательно называя себя на склоне лет «руссоистом», и принимал последнего не как философа, а прежде всего как литератора, отзываясь по поводу прочитанной им «Исповеди» Руссо: «Многие страницы его так близки мне, что мне кажется, я их написал сам». Столь же глубоко (и интимно) были поняты и восприняты великим русским писателем «Мысли» — основной труд Б. Паскаля, названный Толстым книгой «удивительной», «пророческой», написанной «кровью сердца»,

как пишет об этом Б.Н. Тарасов¹², автор интереснейшей монографии «Паскаль» (2006). Заглавие другой не менее интересной монографии этого автора — «Непрочитанный Чаадаев и неслышанный Достоевский» (1999) — столь красноречиво и «многозначительно-контекстуально», что не оставляет сомнений в том, что от замены причастий «непрочитанный» и «неслышанный» на «непонятый», «недопонятый», «непостигнутый» смысл не только не изменится, но еще более усилится, сущностно углубится. Собственно анализу проблемы *парадокса смыслов* и «полифонии» подтекстов при восприятии русскими философами произведений Паскаля посвящен еще один впечатляющий научный труд Б.Н. Тарасова «Мыслящий тростник. Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей» (2004), книга о культурно-исторических, эстетических и философско-аксиологических аспектах *понимания* — пристрастного, поскольку оно субъективно, и так называемого беспристрастного, поскольку оно тщится быть объективным, оставаясь при этом субъективным по сути.

В свое время Теодор Драйзер, раскритикованный и гонимый не в меру строгими, явно необъективными «ценителями» литературы и искусства из литературно-художественной группы «Восьмерка», вынужден был тайком вывезти из Нью-Йорка в соседний штат Нью-Джерси свой роман «Гений», спасая его от несправедливой критики и от поползновения запретить его издание. Зато непонятый «восьмеркой» автор «Гения» был прекрасно понят Джеком Лондоном, Робертом Фростом, Синклером Льюисом, Джоном Ридом, Гербертом Уэллсом и еще пятью сотнями (!) литераторов, общественных деятелей, писателей-гуманистов, вступившихся за него в широкой печати и защитивших его от предвзятых нападок¹³ (злополучного «Гения» удалось издать лишь спустя восемь лет — в 1923 г.).

Л.Н. Толстой не был единственным, кто питал «амбивалентность чувств» к У. Шекспиру. Видимо осознавая крайность своей «антишекспировской» позиции и предчувствуя, что в «непонимании» и неприятии Шекспира он может оказаться в одиночестве и остаться в свою очередь непонятым своими современниками, Толстой тут же делится своими раздумьями по этому поводу: «Много раз в продолжение моей жизни мне приходилось рассуждать о Шекспире с хвалителями его, не только с людьми, мало чуткими к поэзии, но и с людьми, живо чувствующими поэтические красоты, как Тургенев, Фет, и др.»¹⁴. Сознание классика русской литературы никак не может смириться с тем, что несправедливые «хвалители» «заставляют писателей нашего времени подражать ему» (Шекспиру. — А.Д.), а «читателей и зрителей, извращая свое и эстетическое *понимание*, отыскивать в нем несуществующее достоинство»¹⁵. А вот мысли пи-

сателя об особенностях национального самосознания при восприятии произведений литературы и искусства: «Если меня мало трогает песня японца и роман китайца, то не потому, что я не понимаю этих произведений, а потому, что я не знаю и приучен к предметам искусства более высоким, а никак не потому, что это искусство выше меня»¹⁶. Толстовскому мировоззрению категорически чужда мысль, что «самые лучшие произведения искусства таковы, что не могут быть поняты большинством... и доступны только избранным, подготовленным к пониманию этих великих произведений»¹⁷.

Философы и творцы науки встречаются со случаями и фактами подобного непонимания не менее часто, чем творцы искусства. Так, долгое время упорно «не понимали» философию немецкого мистика Якоба Бёме, рассуждавшего о формах-«гештальтах» вечной природы на «божественно-поэтическом» языке — на языке, по выражению Н.В. Мотрошиловой, «живописавшем о видимом мире как высказанном слове»¹⁸. Не понимали, не принимали, а потом поняли и приняли: неземную силу и мистическую энергетику Бёме испытали на себе сначала почитавшие его ученики, последователи, «бёмисты» (в XVII в.), а в следующем, XVIII, свершилось новое открытие Бёме: его заново распознали как певца мистицизма, как поэта-мистика немецкие философы и литераторы-романтики Новалис, Тик, Фр. Баадер и др.

Еще один пример из истории философии: философская глубина гениальных прозрений Блеза Паскаля осталась за пределами понимания его современников. Но, как это ни парадоксально, его не понимали (не всегда понимали) даже историки-паскалеведы. Не без участия В. Кузена, Е.Ю. Дроза, Л. Шестова и других паскалеведов было дано неверное понимание Блеза Паскаля на фоне Рене Декарта: рационализму, дедуктивной методологии, гносеологическому оптимизму и «антиэкзистенциалистской» направленности философии Декарта противопоставлялись мистицизм, индуктивная методология, скептицизм, ярко выраженный «экзистенциальный» характер философии Паскаля. Увы, недопониманием отдает также искаженное восприятие обоих философов («оптимиста» и «пессимиста»), изложенное в конце XX века паскалеведом М. Легерном, изобразившим возвышенный, «героический» характер Декарта на фоне «трагического» характера Паскаля. Г.Я. Стрельцова¹⁹ развенчивает это неверное понимание, доказывая, что Паскаль вовсе не ставил «своей задачей разрушить модель, созданную Декартом», что здесь налицо — *онтологическое искажение понимания*. Вскрывая причины, а также «онтологические и гносеологические корни неверного прочтения философских текстов» и анализируя нарушения, ошибки понимания «в формальной онтологии как абстрактной ло-

гике», исследователь В.И. Фалько пришел к закономерному выводу: решение проблемы следует искать на путях взаимного сближения логики, онтологии и эпистемологии, которые затем переструктурируются и являются в новых образованиях — в «онтологической эпистемологии» и «эпистемологической онтологии»²⁰.

Симптоматично, что на рубеже XX — XXI веков, с проникновением науки в область микромира, с появлением неклассической и *постнеклассической* (В.С. Степин) науки (пример тому — специальная и общая теория относительности А. Эйнштейна) все чаще стали осознавать необходимость принципиального различения знания и понимания не только философы, психологи, представители наук о человеке, но и физики, химики, астрофизики, астрономы, математики, представители наук о природе. Так, в период, когда рушились старые представления о классической науке, когда с наступлением научной революции в физике новой наукой были востребованы новые («сумасшедшие»!) идеи, известный физик В. Гейзенберг, рискуя быть уличенным в нарушении общепринятых правил и норм «ученого этикета», убежденно заявлял, что даже ученый с мировой славой А. Эйнштейн, в отличие от Нильса Бора и Макса Борна, не только недопонимал процессов, описываемых неклассической физикой (конкретнее — квантовой механикой), но до конца дней так и не сумел подняться до понимания их подлинной сущности.

Впрочем, на взгляд Р. Фейнмана, Эйнштейн тут не является исключением: «Я смело могу сказать, что квантовой механики никто не понимает»²¹. Добавим, кстати, что не только не все понимал в неклассической науке сам Эйнштейн, но и его самого порой не понимали, сочиняя легенды либо о том, что он якобы встал на позиции субъективного идеализма Эрнста Маха, либо о том, что он не имел четкой мировоззренческой позиции, так как «был оппортунистом, бросающимся из одной крайности в другую» (Р.А. Аронов). Зато те, кто его хорошо знал, понимали его глубже. Нет, он не был «философским эклектиком», возражают они, он был физиком и метафизиком (в аристотелевском понимании). «Многие сетуют, — пишет А. Гарнак, — что наше поколение не имеет философов. Это неверно... Их имена: Макс Планк и Альберт Эйнштейн»²². Корнелий Ланцош²³, близко знавший Эйнштейна, утверждает, что последний «считал себя скорее философом, чем физиком-профессионалом». Зато другой великий ученый — *русский космист* В.И. Вернадский, в отличие от А. Эйнштейна, напротив, на словах дистанцировался от философии, публично заявляя, что он не более чем «ученый-натуралист», а на деле все его творческое наследие с годами положительно переосмысливается в ученом мире как наследие именно *физико-метафизическое, натурфилософское*.

Связанные с именем В.И. Вернадского понятия «ноосферология», «ноосферизм» — это не аристотелевская «физика», а «метафизика», т.е. философия. С философско-теоретических высот *ноосферной методологии познания*, конкретнее, методологии «ноосферного социализма» (А.И. Субетто) и «ноосферного реализма» (В.Н. Василенко) открываются новые горизонты и перспективы для анализа дихотомии *понимания-непонимания*. Попытка подобного анализа предпринята нами в вышедшей в ИППК МГУ им. М.В. Ломоносова монографии «Ноосферные предпосылки философии творчества» (М., 2008), во 2-м ее издании — «Ноосферные основания философии творчества поколений» (Норильск, 2009), в монографическом исследовании «Понимание как философская и психологическая проблема» (М.; Калуга, 2009) и в 3-м издании книги «Ноосферные основания философии творчества поколений» (СПб., 2010).

Если, вторгаясь в неродную им сферу, поднимаются до «метафизических высот», до философско-педагогических, гносеологических, эпистемологических, аксиологических «уровней» проблемы понимания ученые, работающие в области естествознания, то тем более интересно на их фоне сопоставить высказывания на эту тему специалистов-философов. Историкам философии и специалистам-гуманитариям известно, казалось бы, парадоксальное, а на самом деле диалектически глубокое и психологически проникновенное высказывание одного из основоположников немецкой классической философии Гегеля: «Только один человек меня понял, да и тот меня, по правде сказать, не понял». Заметим: это произнес не кто-нибудь, а тот гений, не зная которого в свое время считалось философским невежеством, а поэтому суть гегелевской философской системы пытались постигнуть и понять и «правые» и «левые» гегельянцы, и «ортодоксальные» и «неортодоксальные», и «старогегельянцы» и «младогегельянцы». Проще было бы квалифицировать такое признание как шутку, самоиронию, неженское «кокетство». Однако это не так, ибо в этой странной с виду гегелевской фразе философия и психология — сплелись синкретично и континуально. Те, которые знают Гегеля преимущественно как панлогиста, приятно удивляются, какой он тут не логик-рационалист, а неподражаемый, тонкий психолог.

Непроизвольные ассоциации с Гегелем возникают, когда читаешь статьи наших современных авторов, неверно понятых, «задетых за живое», превратно истолкованных в печати, — примером тому может служить полемическая статья А.П. Огурцова, адресованная В.А. Беляеву и озаглавленная «Проекция непонимания» — в журнале «Философские науки» (2007. № 6). В свою очередь, ответ А.П. Огурцова заставляет вспомнить аналогичные ситуации каса-

тельно «проекции непонимания», подвергнутые анализу и описанию В.В. Розановым²⁴: «В глухой провинции, среди казенщины, серости и скуки было написано им (В.В. Розановым. — А.Д.) большое философское сочинение “О понимании”», — сообщает Е.В. Барабанов в послесловии к научному труду автора «Уединенного». Идеи сочинения «О понимании» В.В. Розанова, органично сочетавшего в себе зоркость писателя и тонкость психолога, пока оставим за скобками, но в качестве постановки проблем к возможному развитию темы зададимся вопросом: а как обстоит дело с «*пониманием*» у наших *современных специалистов-психологов*? Вообще психологи, те самые, которые чаще других пишут о понимании одним человеком другого, сами-то до конца ли *понимают* друг друга? Кто как не они должны были бы (по идее) чутко понимать и чужую и родственную им душу? Ведь не физики, не математики, не астрономы, а в первую очередь именно психологи глубже других и лучше других преуспели в науке о тончайших движениях человеческой души!

По идее так должно быть. И, наверное, так оно и есть, но — интересная деталь! — один из хорошо известных отечественных психологов Д.Б. Эльконин в докладе, посвященном памяти своего учителя и друга Л.С. Выготского, сделал неожиданное признание: «При чтении и перечитывании работ Льва Семеновича... всегда возникает ощущение, что чего-то я в них не до конца понимаю»²⁵. Приуроченная к 100-летию Д.Б. Эльконина статья В.П. Зинченко в «Вопросах психологии» не зря называется — «Загадка творческого понимания». А.Р. Лурия в юные годы честно признавался в *непонимании* им трудов В. Вундта и Э. Титченера, в чьих книгах по психологии тех времен, казалось, и намек не было на живую личность, и скучища от них охватывала человека совершенно непередаваемая. «И я для себя сделал вывод, — вспоминал впоследствии А.Р. Лурия, — вот уж наука, которой я никогда в жизни не буду заниматься!»²⁶. В.П. Зинченко проронил в сердцах, что он *не понимает*, почему психологическая наука столь «серьезна и скучна», равно как не понимает, почему она вызывает не интерес, а усталость: «Я устал от академической психологии, особенно от той, которая существует в нашей стране в последние десятилетия».

Вполне можно было бы приумножить подобные примеры, иллюстрируя проблему понимания (или непонимания) фактами жизни и деятельности отечественных психологов-классиков — прежде всего Л.С. Выготского, этого, по выражению Ст. Тулмина, «Моцарта в психологии»²⁷, и особенно С.Л. Рубинштейна, удивительным образом сочетавшего в своем лице и психолога, и философа (но это уже логическое продолжение темы, требующей для своего развития отдельной статьи).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Gruhle H.W. Verstehende Psychologie*. – Stuttgart, 1948. – S. 9 – 10.
- ² *Доброхотов А.Л.* Переживание – выражение – понимание // Новый мир. 2005. № 1.
- ³ См.: *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. – М., 1995.
- ⁴ *Вдовина И.С.* Рикёр // *Философия: энциклопедический словарь* / под ред. А.А. Ивина. – М., 2006. – С. 731 – 732.
- ⁵ См.: *Гадамер Х.Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики. – М., 1988; см. также: *Ивин А.А.* Понимание // *Философия: энциклопедический словарь*. – М., 2006; см. также: *Губин В.Д.* Дильтей // Там же. – С. 239; *Ионин Л.Г.* Понимающая социология // *Философско-энциклопедический словарь*. – М., 1983. – С. 513; *Гайденок П.П.* Герменевтика // Там же. – С. 111 – 112.
- ⁶ *Кохановский В.П., Леишкевич Т.Г., Матяш Т.П., Фатхи Т.Б.* Основы философии науки: Учебное пособие для аспирантов. – Ростов н/Д: Феникс, 2004.
- ⁷ См.: *Ионин Л.Г.* Понимающая социология. Историко-критический анализ. – М., 1979.
- ⁸ *Соколов В.В.* Спиноза // *Философский энциклопедический словарь*. – М., 1983.
- ⁹ См.: *Малахов В.С.* Гадамер // *Философия: энциклопедический словарь*. – М., 2006. – С. 160; см. также: *Dilthey W. Gesammelte Schriften*. – Leipzig, 1924; *Gadamer H.G. Dilthey und Ortega. Philosophie des Lebens* // *Gadamer H.G. Gesammelte Werke*. – Tübingen. 1999. Bd. 4. Труды Дильтея, Шлейермахера, Рикёра, Гадамера учат науке (и искусству) понимания глубинной сущности культурософских текстов, а историки философии, в частности, представители «исторической герменевтики», по мере овладения герменевтическим искусством, демонстрируют чуждого по части «современивания» и «оживления» давно забытого, восходящего к Мениппу Гадарскому (III в. до н.э.) литературного жанра – *мениппеи* (жанр античной литературы, характеризующийся «свободным соединением стихов и прозы, серьезности и комизма, философских рассуждений и сатирического осмеяния...» (Советский энциклопедический словарь. – М., 1987. – С. 790). Они стали актуализировать тему «экзистенциальной неисчерпанности» герменевтики в смысле расширения возможностей «переистолкования» ранее расшифрованных текстов – именно переистолкования в духе «современенной менипповой сатиры». Понимание, достигнутое в духе такой «мениппейской аксиологии», становится «трансцендирующим квазипониманием». Последнее претендует (чаще – безосновательно) на так называемое сверхпонимание, согласно которому иные критики и комментаторы якобы способны понять чужое творение и «глубже» и «тоньше», чем его автор, но приходят обычно к искаженному пониманию творчества в «мениппейском» стиле. Если есть логика подобной «герменевтики понимания», то это не «дедуктивная», не «индуктивная», не «символическая», а скорее всего «анарративная» логика (см., например: *Danto A. Narration and knowledge*. – N. Y.: Columbia Univ. Press., 1985). В качестве примера

«алогичного» понимания с явно искаженным «нарратором» называют знаменитые «Силлы» «антифилософа» Тимона Флиунтского, автора 30 комедий, 60 трагедий и многих стихов, в том числе и непристойных. В первом свитке «Силл» Тимон отказывается понимать софиста Протагора, зато «прекрасно понимает» скептика-пробабилиста Пиррона, на фоне которого все остальные философы – «жалкие софисты», а их философия – «зараза пустословная». Во 2-м и 3-м свитках Сократ предстает как «шутник» и «насмешник», Платон – «пышнопустой», «плоский», «самый сладкоголосый болтун», Ксенофан Колофонский – «полузатемненный догматик». Субъективность Тимона перекликается с субъективностью Лукиана, у которого в его труде «О выборе философии» последователи Эпикура «падки до удовольствий», аристотелевские перипатетики «корыстолюбивы», а платоники – «надменны и честолюбивы». Не менее субъективные оценки находим в «Речи против эллинов» философа Татиана, у которого Гераклит Темный – «тщеславно-темный», «невежественно-образованный» («мрак Гераклита»), Ферекид и Пифагор – сочинители «бабьих сказок», Платон – «обжора», Аристипп – «распутник», Аристотель – «лстец». Сходная логика «понимания» присутствует у Эпиктета («недообразованного, завистливого философа»), считавшего Эпикура «развратником». Эпиктет через сходный литературный прием якобы «выбалтывает» чужую «тайну» о том, что Протагор – «дровонос», «деревенский грамотей», Гераклит – «мутитель воды», Демокрит – «Пустокрит», Антидор – «Вертидор». Он сознательно умаляет историческое значение киников, называя их философию «бичом всей Эллады» (см.: *Чанышев А.Н.* Курс лекций по древней и средневековой философии. – М., 1991. – С. 68, 76, 91, 120, 148).

¹⁰ *Николай Кузанский.* Об ученом незнании // *Николай Кузанский.* Соч. в 2-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1979. – С. 47 – 185; *Николай Кузанский.* Книги пророчества // Там же. – С. 359 – 481.

¹¹ *Толстой Л.Н.* О Шекспире и драме // *Толстой Л.Н.* Собр. соч. В 22 т. Т. 15. Статьи об искусстве и литературе. – М., 1983. – С. 314.

¹² См.: *Тарасов Б.Н.* Паскаль. – М., 2006.

¹³ См.: *Драйзер Т.* Гений // *Драйзер Т.* Собр. соч. В 12 т. Т. 7. – М., 1986. – С. 413.

¹⁴ *Толстой Л.Н.* О Шекспире и драме. – С. 301.

¹⁵ Там же. – С. 259.

¹⁶ *Толстой Л.Н.* Что такое искусство? // Там же. – С. 124. Дополнительно о недопонимании Л.Н. Толстым некоторых произведений А.С. Пушкина, что выразилось, например, в недооценке «Бориса Годунова», см.: *Дзюра А.И.* Поэтика мифологии и философии. Опыт культурософской ретроспекции. Изд. 2-е. – Норильск: Зап. филиал Ленинградского гос. университета им. А.С. Пушкина, 2006. Заметим, что Бернард Шоу, назвавший статью «О Шекспире и драме» «великой толстовской ересью» (курсив мой. – А.Д.), тем не менее, по убеждению исследователя К.Н. Ломунова, «сумел обнаружить в ней не только заблуждения писателя» (*Толстой Л.Н.* О Шекспире и драме. – С. 395 – 396). К.Н. Ломунов утверждает, что наряду с Шекспиром Толстой выказал непонимание (и недооценку) «Данте, Рафаэля, Бетховена, Гёте, Пушкина» (а также, продолжим мы, Софокла,

Эврипида, Эсхила, Аристофана, Тассо, Мильтона, Микеланджело, Баха, Вагнера и др.). Что говорить о «золотой» классике, если доставалось и классике «серебряной»! Достаточно вспомнить непонимание (и недоумение) русских поэтов и писателей, живо споривших, в «каком контексте надобно понимать Льва Николаевича», высказавшего следующие «исторические сравнения»: «В русской поэзии, например, после Пушкина, Лермонтова... поэтическая слава переходит сначала к Фету, потом к совершенно лишенному поэтического дара Некрасову, потом к искусственному и прозаическому стихотворцу Алексею Толстому, потом к однообразному и слабому Надсону, потом к совершенно бездарному Апухтину... им же имя легион», «которые даже не знают, что такое поэзия», *не понимают*, «что они пишут и зачем они пишут», зато среди искаженно понимающей и невежественно образованной толпы «последним словом в философии в наше время признается безнравственная болтовня Ницше; бессмысленный, искусственный набор слов, соединенных размером и рифмой, разных декадентствующих стихотворений, считается поэзией высшего разбора» (Толстой Л.Н. Собр. соч. Т. 15. – С. 255 – 256).

¹⁷ Что касается Ницше, то «бог с ним» (хотя, по Ницше, «бог умер»), а в отношении Шекспира истины и справедливости ради требуются уточнения: все же Толстой не был упорствующим скептиком-догматиком, и мы знаем, что его отрицательное отношение к английскому классику со временем существенно изменилось. Вот яркий тому пример. В 1898 г. в беседе с деятелями народного театра Толстой говорил: «Почему вы не ставите для народа Шекспира? Может быть, вы думаете, что народ Шекспира не поймет? Не бойтесь, он не поймет скорее современной пьесы из чужого ему быта, а Шекспира народ поймет» (Там же. – С. 395).

¹⁸ Мотрошилова Н.В. Драма жизни, идей и грехопадения М. Хайдеггера. – М., 1992.

¹⁹ Стрельцова Г.Я. Декарт и Паскаль // Вопросы философии. 1985. № 3.

²⁰ См.: Вопросы философии. 2004. № 9. – С. 156.

²¹ Фейнман Р. Характер физических законов. – М., 1968.

²² Цит. по: Зелиг К. Альберт Эйнштейн. – М., 1964.

²³ См.: Ланцош К. Эйнштейн и строение космоса. – М., 1967.

²⁴ Розанов В.В. Соч. Т. 2. Уединенное. Люди лунного света. – М., 1991. – С. 546.

²⁵ Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. – М., 1989.

²⁶ Цит по: Степанов С.С. Психология в лицах. – М., 2001.

²⁷ Toulmin S. Mozart of psychology // Rev. of Books. 1978. № 25 (14). – P. 51 – 57.

Аннотация

Сравнительно-историческим методом ретроспективно воссозданы когнитивно-психологические принципы «понимающей психологии» («*Verstehende Psychologie*») и «понимающей социологии», а также философско-герменевтические и субъективно-экзистенциальные основы

и концептуальные принципы познания, самопознания, понимания как «вживания в авторский текст» («Einfühlung»), как «соучастия», «эмпатии», «вчувствования». Историко-философский анализ показывает, что эти принципы актуальны и для современной гносеологии, эпистемологии, аксиологии.

Ключевые слова:

понимание, непонимание, «понимающая психология», «понимающая социология», философия понимания, философская герменевтика, «ученое незнание», диалектика соотношения категорий «знание» – «понимание», верознание, веропознание.

Summary

This article deals with reconstruction of cognitive-psychologic principles and a comparative historical method, that help us to prove that basic principles of knowledge and self-knowledge are still urgent. The historical and philosophical analysis shows, that these principles are also actual for modern epistemology and axiology.

Keywords:

understanding, misunderstanding, «understanding psychology», «understanding sociology», philosophy of understanding, philosophical hermeneutics, «scientific illiteracy» (inconceivable, incomprehensible), dialectic relations of conceptions «knowledge» – «understanding», faith – knowledge, faith – cognition.